

Едва Лян Сяофэй выдохнул и ещё не улёгся как следует, тот же нарушающий тишину шум возобновился. Хотя дверь комнаты глушела звук, полностью проснувшийся Лян Сяофэй не мог его игнорировать.

«Хочу умереть!» — первой мыслью Лян Сяофэя было именно это. Но это было невозможно.

Он зарылся в одеяло, плотно заткнул уши и снова погрузился в размышления о жизни. Он подумал, что проживи долго — всего насвидишься. Потом подумал, что, раз те двое так заняты, значит, помирились, и ему пришлось стать невольным слушателем. Ещё подумал, что надо уйти пораньше, пока они спят, иначе утром встреча будет до смерти неловкой.

Лян Сяофэй собрал всю волю в кулак, чтобы выдержать это духовное испытание, и ждал рассвета. К счастью, под одеялом с заткнутыми ушами звук был почти не слышен. Он лежал, свернувшись калачиком и зажимая уши, каждые десять минут приоткрывал руку проверить, и после трёх-четырёх раз соседняя комната, наконец, затихла.

Руки онемели. Он глянул на телефон — почти три тридцать. Тоска, которую он чуть было не загасил радостью, снова всплыла. Спать расхотелось, он сел на кровати, скрестив ноги, и ждал рассвета.

Когда начало светать, Сун Сиянь смутно услышал звук закрывающейся двери. Сознание прояснилось, он открыл глаза.

Взгляд открыл ему картину полных сюрпризов на кровати и на полу. Сун Сиянь решил, что это сон, и ущипнул себя. Было больно.

Было ещё рано, Чжэн Цзыжань спал. Сун Сиянь замер. Перед глазами — сонное лицо Чжэн Цзыжаня, выглядело прекрасно. Кожа белая, чистая, в юности прыщей не было, губы красивые, нос хороший, ресницы длинные и чёрные, откроешь глаза — будто подведённые.

В общем — зрелище приятное. Но лежал он не там.

Сун Сиянь пошевелился. Тело, не знавшее секса несколько лет, не выдержало нагрузки, всё ныло. Двинул ногой — в определённом месте разлилась опухшая боль. Он невольно подумал: неужели Дикий Осел Чжэн за эти годы даже не разрядился, иначе как он мог так накопиться?

К счастью, тело было чистым, явно его помыли. Удивительно, что Чжэн Цзыжань, с мозгами, отключенными от алкоголя, всё же помнил про гигиену после секса. Иначе, учитывая, что у Сун Сияня дома не было презервативов, а Чжэн Цзыжань их с собой не таскал, невольно представил утреннюю картину, и ему захотелось кого-то побить.

О вчерашнем были смутные воспоминания. Алкоголь вышел с рвотой, а случилось всё после короткого сна, не как тот раз, когда он напился вусмерть и забыл всё. Он помнил общие детали, поэтому сдержался и не взбесился.

Всё-таки он начал первым.

Тогда ему показалось, что они снова снимают квартиру вместе. Тогда работа отнимала все силы, отдых был только в воскресенье, так что суббота по умолчанию была для секса. А «платить налог» — просто шутка влюбленных.

Не думал, что так хорошо помнит те детали, что вчера в пьяном дурмане выдал эту фразу.

Теперь, когда семилетний запас был выплачен за один раз, его долго не использовавшееся тело не справилось. Сун Сияню было дискомфортно, он перевернулся на бок.

Чжэн Цзыжань спал, с расслабленным лицом, выглядел беззаботным, или, может быть, вчерашняя ночь прошла для него отлично. Вспоминая вчера, Сун Сиянь знал, что тот тоже был не в себе и вряд ли понимал, где находится. Сун Сиянь смотрел на него, не зная: пнуть его и выгнать или ждать пробуждения и естественного примирения.

Выбрать первое — совесть нечиста, второе — обидно. Сун Сиянь продолжил смотреть на него и задумался.

У него с этим парнем была долгая кармическая связь.

Эта связь, возможно, началась в день их рождения.

Двадцать девять лет назад, в тёплое весеннее утро, родился Чжэн Цзыжань. Проспав полдня, он открыл глаза, и в соседней кровати уже лежал красный комочек.

Этим комочком был Сун Сиянь.

Их семьи жили напротив, взрослые не ожидали, что они родятся в один день. По срокам Чжэн Цзыжань должен был быть на месяц старше. Но эти двое: один не торопился, пока врачи не предложили кесарево, а другой был торопыгой и вылез почти на месяц раньше, желая скорее увидеть мир.

Взрослые говорили — это судьба. Жаль, оба мальчика, а можно было бы сыграть свадьбу в будущем.

Из-за недоношенности Сун Сиянь, хоть и развивался хорошо, был слабым. Мам лежали в одной палате, и, когда отпустило, мама Чжэна села на кровать к Чжао Линьлань. Мамы болтали, качая детей. Мама Чжэна, слыша мяуканье Сун Сияня, сказала сыну:

— Малыш, расти скорее, потом защищай братика.

Так «защищать братика» стало девизом первых лет Чжэн Цзыжаня.

Спустя месяц, с громким плачем, родился Лян Сяофэй с этажа выше, пополнив шумную компанию.

В первые годы жизни Сун Сиянь звали Сун Цинем, а Лян Сяофэй — Лян Шанфэем. В три-четыре года один стал болтуном, другой — воришкой, лазящим по крышам.

Только сын Чжэнов, названный Цзыжанем, рос естественно, был послушным и милым.

Мамы Чжао и Лян сговорились, выбрали день, взяли документы и пошли в ЗАГС менять имена.

С тех пор Сун Цинь стал Сун Сиянем, а Лян Шанфэй — Лян Сяофэем. Видно, небеса услышали мольбы: Сун Сиянь стал меньше болтать, Лян Сяофэй перестал лезть на высоту. Родители были рады.

Троих отправили в детский сад.

Сун Сиянь в детстве был милым, Лян Сяофэй — с густыми бровями и большими глазами, похожим на талисман удачи. Но выделялся Чжэн Цзыжань — красивее всех девчонок.

Дети обожали догонялки. Популярных догоняли. Поэтому Чжэн Цзыжань терял обувь каждые три-пять дней. За три месяца потерял две пары.

Сун Сиянь с круглым лицом завидовал.

Эта зависть обрастала нюансами. Сначала внешности и популярности, потом в школе — успехам в учёбе, уму и любви учителей. Позже, в юности, завидовал любви девчонок.

Сун Сиянь завидовал, пока в тринадцать лет не подхватил тяжёлую форму подросткового максимализма, гормоны бунтовали, он стал мелочным и злым на всё.

А Чжэн Цзыжань, выросший с ним, будучи слишком идеальным, стал инструментом учителей для воспитания отстающих, и постепенно они с Сун Сиянем, который был двоечником и балбесом, оказались в разных мирах. Чжэн Цзыжань стал самым нелюбимым человеком для бунтаря Сун Сияня.

В конце первого семестра седьмого класса в средней школе при Педагогическом университете состоялся футбольный матч.

<http://bllate.org/book/16804/1545332>